

Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. [Общие вопросы: Необходимо ли было Никоново исправление обрядов и книг] // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 3. С. 485–506 (2-я пагин.).

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ.

ОБЩЕ ВОПРОСЫ.

— — —

III.

Необходимо ли было Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ и въ настоящее время не нуждается ли сдѣланное Никономъ въ какихъ либо поправкахъ?

Ко времени патріарха Никона между нашими предками и современными греками существовали нѣкоторыя разности относительно обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, а также и богослужебныя книги наши были не совершенно согласны съ современными имъ книгами греческими. Но эти разности и это несогласіе, отъ чего бы и какъ бы онѣ не произошли, не представляли ничего существеннаго и важнаго, ничего такого, что касалось бы догматовъ вѣры и повреждало ихъ, а равнымъ образомъ и ничего такого, что составляло бы нарушеніе положительныхъ узаконеній вселенской церкви (за однимъ и особаго рода исключеніемъ въ последнемъ случаѣ) *). Слѣдовательно, и при существованіи разностей и несогласія русская церковь была столько же совершенно православною, какъ и церковь греческая, и столько же, какъ и послѣдняя, хранителею положительныхъ узаконеній вселенской церкви. Если же такъ, то, новидному, не было никакой нужды въ Никоновомъ исправленіи обрядовъ и книгъ, ибо существованіе разностей между частными цер-

*). Разумѣемъ прибавку въ 8-мъ членѣ символа вѣры, которая представляла собою не прибавку въ собственномъ смыслѣ, а соединеніе въ одно мѣсто двухъ разныхъ переводовъ одного и того же слова *Κόρυς*.

квами относительно обрядовъ и богослуженія, насколько и поколику онѣ суть разности безразличныя, всегда признавалось какъ нѣчто совершенно допустимое и терпимое, согласно съ древне-отеческимъ, что *in una fide nihil officit sanctae ecclesiae consuetudo diversa* (при единствѣ вѣры нисколько не вредитъ святой церкви различный обычай *)). О нецужности исправленія представлялъ Никону и константинопольскій патриархъ Пансій въ своихъ извѣстныхъ отвѣтахъ на его вопросы. Пансій писалъ Никону: „жалитесь зѣло (преблаженство твое) о несогласіи пѣкихъ чиновъ, иже бываютъ въ нѣкихъ церквахъ, и пенщуетъ, яко тѣи различніи чинове растлѣвають вѣру нашу; о немже хвалимъ мысль, пбо который боится преступленія малыхъ погрѣшеній, сохраняется отъ великихъ, но исправляемъ памѣреніе, пбо, елико о еретицѣхъ, имамамы велиніе отъ апостоловъ, да бѣгаемъ ихъ по первомъ и второмъ наказаніи, яко развращенныхъ, подобно и раздорниковъ, иже аще и являютя, яко согласуютъ въ вѣщнихъ догматѣхъ православныхъ, но имуть пѣкаю и своя чуждая отъ соборныя мысли церковныя; но аще случится и пѣкою церкви разньствовати отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ не нужныхъ и существенныхъ вѣры, сирѣчь не прикасающихся свойственнымъ составомъ вѣры, но малыхъ, якоже есть время литургіи (о чемъ между прочимъ спрашивалъ Никонъ) и подобныхъ, сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно, пбо не взять церковь наша изначала образъ сей послѣдованіе, еже держитъ нынѣ, но по малу“... и затѣмъ, указавъ на разности относительно богослуженія, существовавшія между частными церквами въ древнее время и не производившія между ними раздѣленія, заключаетъ: „не подобаетъ убо ниже нынѣ непщевати, яко развращается вѣра наша православная, аще единъ творить послѣдованіе свое мало различное отъ другаго въ вѣщѣхъ, яже не суть существенныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласитъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковью“...

*) Слова св. папы Григорія Великаго (Двоеслова, см. у *Битамы* въ *Origines sive Antiquitates Ecclesiasticae*, vol. VII, p. 52, lib. XVI, cap. 1, § XV, гдѣ и вообще о безразличныхъ разностяхъ въ обрядахъ и обычаяхъ.

Что же побудило Никона предпринять исправленіе обрядовъ и книгъ, въ которомъ, повидимому, не было никакой нужды?

Всякій человѣкъ всегда дѣйствуетъ и поступаетъ соответственно своей точкѣ зрѣнія на предметъ или сообразно тому, какъ онъ понимаетъ дѣло: иначе быть этого не можетъ (потому что точка зрѣнія есть основаніе для дѣйствія). Нужно или не нужно было Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ, о чемъ ниже, но во всякомъ случаѣ самъ Никонъ съ своей точки зрѣнія на данный предметъ долженъ былъ находить исправленіе совершенно необходимымъ. Русскіе XV вѣка составили себѣ убѣжденіе о современныхъ имъ грекахъ, будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, какъ мы много разъ говорили, вслѣдствіе того, что, образовавъ себѣ своеобразный взглядъ на обычаи церковные, именно—придавъ имъ преувеличенное значеніе и приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры, начали смотрѣть на разности грековъ съ ними относительно обычаевъ, какъ на еретическія и погрѣшительныя новшества со стороны послѣднихъ. Прямой обратный путь къ истинному мнѣнію о позднѣйшихъ грекахъ, что они неизмѣнно хранятъ чистоту православія древнихъ грековъ, былъ тотъ, чтобы усвоить себѣ настоящій или надлежащій взглядъ на обычаи церковные, какъ на нечто такое, разности относительно чего не составляютъ ересей и погрѣшеній, а дѣло безразличное, съ тѣмъ, конечно, добавленіемъ къ сему, чтобы признавать, что въ разностяхъ были виновны не греки, а мы сами (ибо само собою надлежало предполагать, что разрознились не они съ нами, а мы съ ними, такъ какъ не мы для нихъ, а они для насъ составляли примѣръ послѣдованія и подражанія). Но Никонъ перемѣнилъ свой взглядъ на позднѣйшихъ грековъ не сейчасъ указаннымъ путемъ. Чтобы усвоить настоящій взглядъ на обычаи церковные, нужно было имѣть обще-богословское научное образованіе и болѣе или менѣе достаточныя свѣдѣнія археологическія, между тѣмъ какъ Никонъ не имѣлъ ни одного, ни другихъ. Онъ нисколько не измѣнилъ прежняго русскаго взгляда на обычаи церковные и твердо продолжалъ содержать его, но при этомъ онъ перемѣнилъ мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ такимъ образомъ, что началъ считать винов-

никами привнесенія еретическихъ и погрѣшительныхъ повѣствовъ не ихъ, а насъ самихъ, или—что онъ началъ смотрѣть какъ на еретическія и погрѣшительныя повѣствия не на ихъ разности съ нами, а на наши разности съ ними. Пѣкоторыми оспаривается справедливость того, что Никонъ смотрѣлъ на наши разности съ греками, какъ на ереси и на погрѣшенія; но это несомнѣнно такъ. Въ посланіи къ константинопольскому патріарху Пансію Никонъ весьма „жалился“ (жаловался, точно съ греческаго подлинника: плакался), что существующія у насъ съ греками разности *рискталявають* нашу вѣру *), а о книгахъ епископа коломенскаго Павла и протопопа Іоанна Неронова, т.-е., иначе сказать, вообще о прежнихъ печатныхъ нашихъ книгахъ отзывался, какъ о книгахъ, наполненныхъ ересями **); въ предисловіи къ первоисправленному служобнику 1655 г. наши разности съ греками съ парочитою необиповенностію называются погрѣшеніями: наконецъ, составлявшее нашу главную разность съ греками двуперстное крестное знаменіе было предано Никомомъ торжественному проклятію ~~(на~~ соборѣ 1656 г.) ***). Но если Никонъ смотрѣлъ на

* См. выше.

**) Посланія Пансіева отвѣты 8-й и 9-й.

*** Преев. Макарій, ссылаясь на то, что Никонъ одинъ разъ сказалъ Неронову: „обон-де (книги, старыя и новыя) добры, все-де равно, но коимъ хочешь, по тѣмъ и служить“, и что въ угоду послѣднему онъ допустилъ, чтобы въ Успенскомъ соборѣ (московскомъ) въ продолженіе пѣсколькихъ дней наравнѣ съ троеніемъ пѣсни адллузіа было употребляемо и двоеніе, утверждаетъ, будто Никонъ готовъ былъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе и такъ называемыхъ ими старыхъ обрядовъ, если только эти противники будутъ въ единовѣрїи съ церковію и въ покорности ея богоучрежденной іерархіи (Ист. XII, 218 sqq). Но еслибы Никонъ дѣйствительно готовъ былъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе старыхъ обрядовъ на указанныхъ условіяхъ, то онъ не ограничился бы приведенными, одинъ разъ сказанными Неронову, словами, а обратился бы съ формальнымъ предложеніемъ относительно сего ко всѣмъ возставшимъ противъ его исправленія, потому что это было бы средствомъ примиренія со всѣми ими и улаженія всего дѣла, и его весьма важная мысль объ „единовѣрїи“ не была бы и не могла бы быть оставлена послѣ него. Нельзя думать, чтобы Никонъ способенъ былъ въ одно и то же время одну и ту же вещь называть и черною и бѣлою, и если онъ провозгласилъ наши разности съ греками за ереси и погрѣшенія, то, конечно, не могъ онъ допустить, чтобы на указанныхъ условіяхъ люди содержали

наши разности съ греками, какъ на ереси и погрѣшенія, то само собою понятно, что онъ долженъ былъ смотрѣть на исправленіе обрядовъ и книгъ какъ на дѣло столько же необходимое, сколько вообще необходимо очищеніе православія отъ ересей и погрѣшеній. Повидимому, должны были бы произвести свое дѣйствіе на Никона представленія патриарха константинопольскаго, послѣ чего онъ могъ бы усвоить настоящій взглядъ на предметъ съ помощью кievскихъ и греческихъ ученыхъ, которые были около него и которые, нѣтъ сомнѣнія, смотрѣли на предметъ болѣе или менѣе надлежащимъ образомъ, ибо настоящій въ болѣе или меньшей степени взглядъ на предметъ былъ взглядомъ всей вообще просвѣщенной части общества у грековъ и у кievлянъ или у южно-русскихъ. Но на Москвѣ свой собственный и своеобразный взглядъ на внѣшнюю, обрядовую сторону вѣры, какъ на нѣчто почти такое же и столько же важное, какъ и догматы вѣры, укоренился вѣками и былъ укорененъ такъ крѣпко, что люди не въ состояніи были вдругъ разстаться съ нимъ, чтобы усвоить болѣе правильный взглядъ.

Говоря о Никонѣ, мы вовсе не разумѣемъ въ данномъ случаѣ его одного, но и всѣхъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ перемѣнили убѣжденіе о грекахъ. Какъ онъ, перемѣнивъ это убѣжденіе, остался при своемъ прежнемъ взглядѣ на обряды и обычаи церковные: такъ и всѣ другіе, вмѣстѣ съ нимъ перемѣпившіе убѣжденіе, остались подобно ему при своемъ прежнемъ взглядѣ на обряды и обычаи или подобно

ереси и погрѣшенія. Что въ данномъ случаѣ дѣло шло вовсе не объ „единовѣріи“, видно изъ того, что въ угоду Неронову Никонъ допустилъ двоеніе пѣсни аллилуія въ своемъ Успенскомъ соборѣ, ибо нельзя же думать, чтобъ онъ расположенъ былъ допустить единовѣріе въ стѣнахъ этого послѣдняго. Что касается до истиннаго смысла словъ и поступка Никонина, то, во-первыхъ, мы знаемъ о нихъ изъ показанія самого же Неронова и очень можетъ быть, что дѣло было существенно не такъ, какъ онъ представляетъ его; во-вторыхъ, если дѣйствительно было такъ, то надлежитъ видѣть тутъ со стороны Никона простую особаго рода любезность къ Неронову, допущенную имъ изъ желанія умягчить сердце послѣдняго и примирить его съ собой (и что касается въ частности до словъ, то надлежитъ видѣть въ нихъ, если только онѣ дѣйствительно были сказаны, лишь одинъ изъ образцовъ свойственнаго Никону послѣдшаго безмѣрія въ выраженіяхъ).

ему не въ состояніи были возвыситься до настоящаго взгляда на эти послѣдніе. А такимъ образомъ, когда мы говоримъ, что Никонъ съ своей точки зрѣнія долженъ былъ находить исправленіе обрядовъ и книгъ совершенно необходимымъ: то мы хотимъ сказать, что это должны были находить совершенно необходимымъ и всѣ другіе, иначе—что это было необходимо съ общей московской точки зрѣнія и что на его мѣстѣ и всякій другой и кто бы то ни было (подразумѣвается — изъ числа перемѣнившихъ убѣжденіе о грекахъ) поступилъ такъ-же бы, какъ поступилъ онъ.

Итакъ, повторяемъ, Никонъ съ своей точки зрѣнія на предметъ долженъ былъ находить исправленіе обрядовъ и книгъ совершенно необходимымъ. Но на самомъ дѣлѣ не было ли это его исправленіе дѣломъ напраснымъ и не только напраснымъ, но, такъ какъ оно произвело расколъ старообрядства, и достойнымъ сожалѣнія? Исправленіе обрядовъ и книгъ не было безусловнымъ образомъ необходимо,—необходимость эта могла быть признана только за нѣкоторыми частными поправками въ книгахъ *); но оно было весьма, и не только весьма, но самымъ рѣшительнымъ, можно сказать—безусловнымъ образомъ, желательно. Нѣкоторая рознь наша съ греками относительно обычаевъ церковныхъ и нѣкоторое несогласіе нашихъ богослужебныхъ книгъ съ книгами греческими нисколько не препятствовали намъ быть совершенно православными: но для розни и несогласія не только не было никакой благословной вины, а напротивъ вина ихъ была прямо и положительно крайнимъ образомъ неблагословная. Мы разрознились съ греками въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ, и въ богослужебныхъ книгахъ единственно въ слѣдствіе того, что, благодаря своему невѣжеству, составили себѣ совершенно неосновательное убѣжденіе, будто позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Не будь составлено нами этого убѣжденія относительно позднѣйшихъ грековъ, не произошло бы и разрозненія между нами и ими. Коль скоро эта единственная причина устранилась. т. е. коль скоро было сознано

*) Разумѣемъ такія поправки, какъ исключеніе изъ символа вѣры слова „истиннаго“, исключеніе изъ службника разрѣшительныхъ молитвъ священника „за ся“.

и признано нами, что наше убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, вовсе неосновательно: что оставалось дѣлать, за совершеннымъ отсутствіемъ другой причины къ розни, какъ не возстановить согласія? Заимствуя отъ грековъ христіанскую православную вѣру, мы заимствовали отъ нихъ вмѣстѣ съ вѣрой и обряды и богослуженіе. Мы могли бы затѣмъ воспользоваться своимъ правомъ быть самостоятельными въ обрядахъ и богослуженіи, насколько это право предоставлено каждой частной церкви. Но, не говоря о томъ, что мы вовсе не въ состояніи были воспользоваться этимъ правомъ, ибо, при своемъ невѣжествѣ, далеко были мы несильны, чтобы быть творцами въ богослуженіи, мы вовсе не хотѣли имъ (правомъ) пользоваться, потому что совѣмъ не было побужденій и цѣли, съ которыми и для которой мы имъ воспользовались бы. А поэтому всегдашнее непремѣнное желаніе намъ состояло въ томъ, чтобы быть въ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія, точнѣе — чтобы имѣть обряды и богослуженіе одни и тѣ же съ греками или именно греческіе, такъ чтобы одни и другое у насъ представляли ничто иное, какъ воспроизведеніе и точную копию однихъ и другаго у грековъ, иначе и ближе сказать: всегда признавали мы за безусловно обязательное для себя то, чтобы столько же быть однихъ обрядовъ и одного богослуженія съ греками, сколько были мы одной съ ними вѣры. Если же, не смотря на все свое желаніе быть въ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія, мы разрознились съ ними относительно тѣхъ и другаго: то причина сего была столько же неблагословна, сколько неосновательно было убѣжденіе, составленное нашими предками, будто позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, ибо это именно убѣжденіе (бывшее плодомъ нашего невѣжества) составляло причину происшедшей розни *).

*) До начала печатанія греками богослужебныхъ книгъ мы имѣли одно съ ними богослуженіе, но съ заимствованіемъ отъ нихъ разнообразія въ частностяхъ, которое у нихъ существовало. Послѣ того, какъ съ помощью книгопечатанія они водворили у себя единообразіе въ богослуженіи, и мы должны были бы усвоить отъ нихъ это установленное ими или установившееся у нихъ единообразіе. Но когда греки начали печатать богослу-

Не было ли не только весьма, но и самымъ рѣшительнымъ, безусловнымъ образомъ желательно, чтобы согласіе, необходимость котораго столько нами признавалась, по которое нарушено было по такой неблагословной причинѣ, по такому прискорбнѣйшему недоразумѣнію, было возстановлено? Никонъ предпринять свое исправленіе обрядовъ и богослужбныхъ книгъ потому, что онъ придавалъ обрядамъ и чинопослѣдованіямъ богослуженія преувеличенное значеніе. По положимъ, что онъ стоялъ бы на настоящей или должной точкѣ зрѣнія на обряды и чинопослѣдованія: мы непременно желали находиться въ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія; между тѣмъ вопреки своему желанію мы разрознились съ ними вслѣдствіе прискорбнѣйшаго съ нашей стороны недоразумѣнія: не долженъ ли бы былъ онъ (Никонъ) считать за свою непременную обязанность возстановить согласіе послѣ того какъ недоразумѣніе обнаружилось и разъяснилось? Въ наглядное поясненіе дѣла представимъ себѣ житейскій примѣръ: положимъ, что съ кѣмъ нибудь вы непременно желали бы находиться въ дружбѣ и что не смотря на ваше желаніе у васъ выйдетъ съ этимъ кѣмъ-нибудь ссора изъ-за прискорбнѣйшаго съ вашей стороны и по вашей винѣ недоразумѣнія: послѣ того какъ разъяснитесь для васъ недоразумѣніе, не постараетесь ли вы тотчасъ же возстановить дружбу и это возстановленіе желаемой вами дружбы, послѣ того какъ исчезнутъ въ вашихъ глазахъ мнимыя причины къ ссорѣ, не будетъ ли необходимымъ съ вашей стороны дѣяніемъ? Такимъ образомъ, повторяемъ, и съ надлежащей точки зрѣнія на обряды и чинопослѣдованія богослуженія, предпринятое Никонъ исправленіе обрядовъ и богослужбныхъ книгъ, хотя не можетъ быть признано за дѣло безусловнымъ образомъ необходимое, но тѣмъ не менѣе долженствуетъ быть признано за дѣло самымъ рѣшительнымъ образомъ желаемое. А такимъ образомъ очевидно, что предпринятое Ни-

жебныя книги, у насъ уже смотрѣли на нихъ какъ на отступившихъ отъ чистоты древняго православія, и мы, приступивъ въ свою очередь къ печатанію богослужбныхъ книгъ, водворяли у себя единообразіе въ богослуженіи независимо отъ нихъ, причемъ въ этомъ единообразіи и разрознились съ ними (такъ что у нихъ оказалось одно единообразіе, у насъ другое).

кономъ исправленіе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ было дѣломъ вовсе и нисколько не напраснымъ. Никоново исправленіе обрядовъ и книгъ произвело расколъ старообрядства. Это, конечно, очень прискорбно. Но, во-первыхъ, не могъ же Никонъ предвидѣть, что это дѣйствительно случится такъ, а во-вторыхъ, что было бы, еслибы съ совершеніемъ всякихъ, сколько нибудь желаемыхъ, дѣлъ люди остапавливались предъ неразумными возраженіями противъ нихъ со стороны нѣкоторыхъ?

Персмѣнивъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, но оставаясь при прежнемъ взглядѣ на обычаи церковные, Никонъ въ своемъ исправленіи обрядовъ и книгъ совершилъ дѣло хотя не безусловно необходимое, какъ онъ на него смотрѣлъ, но тѣмъ не менѣе самымъ рѣшительнымъ и, можно сказать, безусловнымъ образомъ желаемое. Однако, сохраненный Никономъ прежній преувеличенный взглядъ на обычаи церковные дѣйствительно имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что онъ допустилъ при этомъ одну прискорбную погрѣшность. Эту прискорбную погрѣшность составляетъ произнесенное имъ на соборѣ 1656 г. торжественное проклятіе на двуперстное крестное знаменіе *). Впрочемъ, на эту прискорбную погрѣшность, извиняемую и искупаемую до нѣкоторой степени противоположной погрѣшностью Стоглаваго собора, который предалъ проклятію всякое недвуперстное крестное знаменіе, не имѣютъ никакого права жаловаться раскольники, ибо вовсе не она была причиною ихъ отдѣленія отъ церкви, и они все равно отдѣлились бы отъ послѣдней, еслибы и не было произнесено проклятія на двуперстіе. Что же касается до тѣхъ раскольниковъ, которые желали бы воссоединиться съ церковію, но подъ условіемъ сохраненія двоуперстія, то съ допущеніемъ церковію единовѣрія погрѣшительное Никоново проклятіе снимается съ нихъ **).

*) Главная вина за эту погрѣшность должна быть возлагасма на патріарха антиохійскаго Макарія, который, потворствуя изъ корыстнаго раболѣпства ошибочному взгляду Никона, не только не удержалъ его отъ проклятія, но и далъ ему свое рукописаніе, которымъ прямо уполномочивалъ его на послѣднее.

***) Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ высшей степени странны и неосновательны желанія и домогательства раскольниковъ, чтобы снята была съ

Нѣкоторые имѣютъ наклонность представлять себѣ Никонovo исправленіе обрядовъ и книгъ, какъ единолично дѣло Никона: онъ-де задумалъ исправленіе обрядовъ и книгъ, онъ предпринялъ и онъ совершалъ его, а другіе были только простыми исполнителями его приказаній добровольными или невольными. Такое представленіе дѣла вовсе несправедливо и неосновательно. Первая мысль объ исправленіи усвоится исключительно и единоличному вдохновенію Никона въ предисловіи къ первоисправленному служебнику 1655 г.; но мы уже говорили выше, что въ предисловіи къ служебнику точная историческая истина жертвуется въ семь случаевъ до нѣкоторой степени удобству представленія дѣла. Первая мысль объ исправленіи принадлежала вовсе не одному Никону, хотя дѣйствительно пошла отъ него (не какъ плодъ его вдохновенія, а какъ плодъ его бесѣды съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ), а сколько ему, столько же и царю Алексѣю Михайловичу съ другими ближайшими совѣтниками послѣдняго, и не будь государь, подобно Никону, способенъ внять представленіямъ о несправедливости нашего мнѣнія относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они утратили чистоту православія древнихъ грековъ, не могло бы имѣть мѣста и самое Никонovo исправленіе обрядовъ и книгъ, ибо veto государя могло бы остановить дѣло въ самомъ началѣ (и даже могло бы быть такъ, что Никонъ, проникшійся мыслию о необходимости исправленія, не былъ бы избранъ и въ патріархи). Предпринятіе исправленія обрядовъ и книгъ и его веденіе усвоится единолично Никону уже вопреки положительно и

нихъ клятва собора 1667 г. Соборъ могъ бы предложить возставшимъ противъ Никонова исправленія обрядовъ и книгъ остаться въ церкви на условіяхъ нынѣшняго единовѣрія, и не сдѣлалъ этого; но это есть уже прошлое. Что же касается до настоящаго времени, то теперь, съ допущеніемъ единовѣрія, это униженіе уже восполнено и съ тѣхъ, которые изъ-являютъ готовность воссоединиться съ церковію подъ условіемъ сохраненія дониконовскихъ обрядовъ и книгъ, клятва собора снимается, а снятіе ее съ самихъ раскольниковъ значило бы ничто иное, какъ признать расколъ за перасколъ (а если есть нѣкоторые православные, сочувствующіе желанію раскольниковъ, то тутъ — сочувствіе, но невѣдѣнію простирающагося за предѣлы должнаго), cfr въ „Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу“ *митр. Филарета* „Отвѣты на вопросы глаголемаго старообрядца по случаю бесѣды о Стоглавномъ соборѣ“, § 3 fin.

безспорно извѣстной намъ исторіи дѣла. Пришедши вмѣстѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и другими ближайшими совѣтниками государя къ сознанию необходимости исправленія обрядовъ и книгъ, Никонъ предпринялъ и повелъ его съ соборнаго одобренія и подъ соборнымъ смотрѣніемъ представительства русской церкви: соборъ 1654 г. одобрилъ предпринятіе исправленія, соборъ 1655 г. рассмотрѣлъ и одобрилъ сдѣланное исправленіе важнѣйшей изъ всѣхъ богослужебныхъ книгъ — служебника. Утверждать, будто соборы эти имѣли значеніе лишь одной простой комедіи, которою Никонъ хотѣлъ прикрывать свое своеволие, и будто они вовсе не свидѣтельствовали о дѣйствительномъ согласіи предстоятелей русской церкви на исправленіе, было бы не болѣе, какъ тенденціознымъ или памфлетнымъ произволомъ: подлѣ деспотическаго (положимъ, что это такъ) Никона сидѣлъ на соборѣ 1654 г. вовсе недеспотическій царь Алексѣй Михайловичъ и если высказываться противъ исправленія не были на соборѣ заграждены уста Павлу коломенскому, то, конечно, не были бы заграждены онѣ и кому-либо другому изъ архіереевъ, и самый деспотизмъ Никона на примѣрѣ Павла проявилъ себя только уже послѣ этого собора (и проявилъ себя слишкомъ жестоко, какъ нужно или, по крайней мѣрѣ, можно думать, именно потому, что всѣ были слишкомъ рѣшительнымъ образомъ противъ него одного). Но положимъ, что Никонъ былъ страшенъ; ясно однако свидѣтельство въ пользу того, что всѣ архіереи, за исключеніемъ одного Павла коломенскаго, высказались за исправленіе не изъ страха передъ Никономъ, а по добровольному искреннему сознанию, къ которому были приведены сдѣланными имъ вразумленіями (на соборѣ и, какъ это вѣроятно предполагать, и ранѣе его), представляеть намъ послѣдующая исторія. Еслибы люди дѣйствовали изъ страха передъ Никономъ, то они должны были бы воспользоваться скоро возвращенной имъ свободой, ибо удаленіе Никона съ престола имѣло мѣсто и всего спустя четыре года послѣ приступа къ исправленію обрядовъ и книгъ (10 июля 1658 г.); между тѣмъ мы знаемъ, что и послѣ удаленія Никона съ престола только одинъ изъ архіереевъ (Александръ вятскій) питалъ временное предубѣжденіе противъ его исправленія, такъ что имѣемъ все право предполагать между архіереями

то единодушiе и единосовѣтiе за исправленiе, о которомъ они торжественно и нарочито засвидѣтельствовали на соборѣ 1666 г. Такимъ образомъ, такъ называемое Никоновское исправленiе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ несправедливо представляется нѣкоторыми, какъ единоличное дѣло Никона; напротивъ, оно было общимъ дѣломъ всѣхъ представителей русской церкви (за исключенiемъ одного), а слѣдовательно черезъ представителей церкви—общимъ дѣломъ сей послѣдней *).

Напрасно было бы оспаривать справедливость мнѣнiя, что характеръ Никона былъ изъ очень несчастныхъ и далеко не изъ свѣтлыхъ характеровъ. Но тѣмъ не менѣе вовсе несправедливо было бы полагать, будто виной раскола былъ именно этотъ несчастный характеръ и что будь на мѣстѣ Никона другой человѣкъ съ инымъ характеромъ, раскола могло бы не быть. Рядомъ съ несчастнымъ по характеру Никономъ стоялъ человѣкъ, надѣленный счастливѣйшимъ характеромъ, это — царскiй духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Будучи горячимъ поборникомъ Никона въ дѣлѣ исправленiя обрядовъ и книгъ, онъ успѣлъ сохранить все уваженiе къ себѣ и людей, возставшихъ противъ исправленiя. Но и краткiя

*) Недавно высказано величайшей крайности мнѣнiе, будто исправленiе обрядовъ и книгъ не только было единоличнымъ дѣломъ Никона, но будто Никонъ, не заботясь о серьезныхъ побужденiяхъ, предпринялъ его потому, что легкомысленнымъ образомъ поддался влiянiю всякихъ, хорошихъ и худыхъ, грековъ. Несостоятельность этого мнѣнiя настолько очевидна, что мы не считаемъ нужнымъ опровергать его. До недавняго времени наша противураскольническая полемика хотѣла видѣть главную причину возникновенiя раскола въ личномъ оскорбленiи самолюбiи тѣхъ лицъ, которые возстали противъ исправленiя Никонова, утверждая, что люди эти были при Иосифѣ книжными справщиками и что Никонъ съ позоромъ отстранилъ ихъ отъ ихъ почетныхъ должностей. Это оказывается несправедливымъ, потому что, какъ въ настоящее время известно, никто изъ людей, возставшихъ противъ исправленiя Никонова, книжнымъ справщикомъ не бывалъ. Однако, есть дѣйствительное основанiе если не утверждать, то отчасти заподозривать, что личному оскорбленiю самолюбiю принадлежала нѣкоторая доля участiя въ созданiи раскола. Въ послѣднее время патриаршества Иосифа дѣлами церкви фактически завѣдывалъ Стефанъ Вонифатьевичъ съ кружкомъ приближенныхъ къ нему людей, главнымъ между которыми послѣ него самого былъ Иванъ Нероновъ и не безъ голоса между которыми былъ и Аввакумъ; къ кружку принадлежалъ и Никонъ, бывъ весьма любезенъ и хорошъ (и даже будто бы искателенъ) съ

увѣщанія Стефана, восполнявшія и возмѣщавшія собою строптивыя приказанія Никона, не имѣли никакого дѣйствія на возставшихъ: они продолжали сохранять свое уваженіе къ Стефану, но что касается до отношенія къ исправленію, то въ этомъ случаѣ вовсе не хотѣли слушаться его *). Недостатки характера Никонова, которые касаются насъ въ данномъ случаѣ, принадлежали къ числу тѣхъ недостатковъ, которые бываютъ свойственны людямъ съ сильными характерами: недостатки характера Никонова не были причиной, произведшей расколъ, но положительной стороною его характера мы обязаны тѣмъ, что имъ было предпринято возможное только для человѣка съ сильнымъ характеромъ исправленіе обрядовъ и книгъ. Что же касается до раскола старообрядства, то его возникновеніе представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ печальныхъ историческихъ случаевъ, что въ цѣлыхъ массахъ людей, когда имъ приходится отказываться отъ заблужденій, не рѣдко находятся отдѣльные люди, которые, являя изъ себя упорныхъ и закоренѣлыхъ поборниковъ старины (старовѣровъ въ общемъ смыслѣ этого слова), выступаютъ защитниками заблужденій.

остальными его членами. Но когда онъ (Никонъ) поставленъ былъ въ патриархи, то, мстя ли Неронову съ братіей за ихъ старанія склонить выборъ государя въ преемники Юсифу на Стефана Вонифатьевича (что дѣлалось безъ вѣдома и воли послѣдняго, который вовсе не помышлялъ о патриаршествѣ и былъ рѣшительно въ пользу Никона) или же просто не желая видѣть ихъ своими навязчивыми совѣтниками, тотчасъ же совершенно порвалъ съ ними прежнюю близость. Можно подозрѣвать, что обманутыя ожиданія Неронова и Аввакума быть наперсниками Никона, какъ патриарха, и играть при немъ видную роль, и были отчасти причиной, что ови выступили противниками предпринятаго Никономъ исправленія обрядовъ и книгъ. Впрочемъ, повторяемъ, можно только подозрѣвать, и никакъ не болѣе; а прямо хотѣть видѣть главную причину возникновенія раскола ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ этомъ оскорбленномъ самолюбіи Неронова и Аввакума (ср. преев. Макарія Ист. XII, 120) было бы такъ же малоосновательно, какъ и утверждать, будто исправленіе обрядовъ и книгъ было единоличнымъ и насильственнымъ дѣломъ Никона.

*) Стефанъ Вонифатьевичъ, въ монашествѣ Савватій, скончался въ Никоновомъ Иверскомъ монастырѣ 11 ноября 1655 или 1656 г., см. письмо Никона къ Алексею Михайловичу въ Письмахъ государей, № 388, стр. 350 (объ отношеніяхъ Стефана къ Никону ср. еще *ibid.* № 333).

О надлежащей постановкѣ полемики съ старообрядцами.

Наша полемика съ старообрядцами до настоящаго времени объясняетъ происхожденіе разностей въ церковныхъ обычаяхъ и въ чинопослѣдованіяхъ богослужебныхъ книгъ, которыя были до Никона у насъ съ греками и которыя въ настоящее время составляютъ разности старообрядцевъ съ нами-православными, такимъ же образомъ, какъ объяснялъ ихъ самъ Никонъ, а именно — смотреть на нихъ, какъ на наши повшества, явившіяся въ отношеніи къ обычаямъ и привнесенныя въ книги, благодаря нашему невѣжеству. Полемика дѣлаетъ только ту поправку противъ Никона, что тогда какъ этотъ и некоторые по крайней мѣрѣ разности наши съ греками считалъ и объявлялъ за ереси, она видитъ во всѣхъ разностяхъ одніѣ лишь погрѣшности *). Но археологія обрядовъ и богослуженія, которая въ послѣднее время начала быть у насъ серьезнымъ образомъ изучаема и на которую въ отношеніи къ богослуженію пролить новый свѣтъ описаніемъ рукописей московской синодальной библіотеки, совершеннымъ покойными А. В. Горскимъ и К. П. Невоструевымъ, открываетъ, что это остающееся со времени Никона представленіе дѣла не соответствуетъ дѣйствительности, — что большая часть нашихъ бывшихъ разностей съ греками не суть повшества, а именно только разности, происшедшія отъ случайнаго разрозненія нашего съ греками, — что другія разности хотя дѣйствительно суть повшества, но въ смыслѣ весьма относительномъ, такъ что усвоить имъ названіе погрѣшностей было бы несправедливо, и что только немногія разности должны быть признаваемы за дѣйствительныя повшества погрѣшительныя.

Въ отношеніи къ церковнымъ обычаямъ важнѣйшія бывшія разности наши съ греками суть: двоеперстіе, сугубая аллилуія, седмипросфоріе и хожденіе посолопъ. Но двоеперстіе не только не есть новшество, а и древность, даже болѣе древняя, чѣмъ троеперстіе, ибо исторія формы перстосложенія для крестнаго знаменія состояла въ томъ, что

*) Сfr Исторія просв. Макарія т. XII, стр. 221.

первоначально было употребляемо единоперстіе и пятиперстіе, потомъ двоеперстіе и наконецъ уже, какъ форма оставшаяся навсегда, троеперстіе *). Сугубая аллилуія есть такая же древность, какъ и трегубая, и она не только употреблялась у грековъ совмѣстно съ трегубой аллилуіей до весьма поздняго времени, но отчасти употребляется и до сихъ поръ **). Седмипросфоріе есть новшество, по именно новшество весьма относительное, ибо и пятипросфоріе есть новшество противъ четверопрсофорія (которое у грековъ въ патриархатѣ константинопольскомъ было употребляемо еще во второй половинѣ XVI вѣка ***), а въ патриархатѣ іерусалимскомъ даже еще въ половинѣ XVII вѣка ****) и такъ далѣе до одной просфоры, съ которой началась и на которой очень долгое время была совершаема проскомидія. Притомъ еще, седмипросфоріе должно быть признано новшествомъ и не въ совершенно строгомъ смыслѣ этого слова: въ частномъ употребленіи (зависѣвшемъ отъ воли ктиторовъ монастырей и церквей) оно находилось у грековъ съ весьма древняго времени *****). Хожденіе посолонъ какъ будто дѣйствительно составляетъ наше новшество, и при томъ какое-то загадочное *****), но во всякомъ случаѣ новшество не особенно важное.

Положительный отвѣтъ на вопросъ относительно богослужебныхъ книгъ, что въ нихъ новшества и что разности, происшедшія отъ случайнаго разрозненія съ греками, очень

*) Слова отсылаемъ читателя къ нарочитой статьѣ о перстосложеніи, которая печатается вельдъ за симъ.

***) См. въ нынѣшнемъ евхологіи чинъ священническаго погребенія.

****) Въ греческомъ подлинникѣ никоновской Скрижали, напечатанномъ въ 1574 г., не пять просфоръ, а четыре просфоры (1. агнецъ, 2. въ честь Богородицы, 3. въ честь Предтечи и святыхъ, 4. за живыхъ и за мертвыхъ).

*****) Проскинитарій Суханова (просфоры тѣ же, что выше).

*****) См. моей Исторіи русской церкви т. I, 2, 310, и у Мансстова въ сочиненіи: Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности, приложж. стр. XXXVII.

*****) Вел. кн. Иванъ Васильевичъ, неожиданно заявившій митр. Геронтію мнѣніе, что съ крестами при освященіи церкви должно ходить посолонъ, и упорнѣйшимъ образомъ стоявшій на своемъ мнѣніи съ весьма немногими изъ духовныхъ, которые поддерживали его, не приводилъ въ свою пользу никакихъ доказательствъ, кромѣ весьма непонятныхъ умствованій (по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ послѣднія передаются въ лѣтописи).

труденъ или, лучше сказать, совсѣмъ невозможенъ, потому что для этого требовалось бы произвести такое сличеніе славянскихъ рукописей съ греческими, котораго еще вовсе не произведено и которое, вѣроятно, будетъ произведено весьма не скоро. Въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ, богослужебныя книги послѣднихъ представляли весьма значительное разнообразіе относительно частныхъ, потому что это весьма значительное разнообразіе еще существовало у нихъ тогда въ самомъ богослуженіи. По мѣрѣ теченія дальнѣйшаго времени разнообразіе постепенно у нихъ уменьшалось, но все таки оставалось болѣе или менѣе значительнымъ до самаго начала печатанія богослужебныхъ книгъ, которое собственно ввело дѣйствительное единообразіе. Если не сполна, то въ весьма значительной степени разнообразіе греческихъ богослужебныхъ книгъ перешло и въ наши славянскія книги. Когда началось печатаніе богослужебныхъ книгъ у насъ, нужно было составлять изъ существовавшихъ разнообразныхъ книгъ единообразныя своды для печати, и такъ какъ дѣло велось у насъ при этомъ независимо отъ грековъ (послику ихъ уже считали у насъ отступившими отъ чистоты древняго православія) и безъ справки съ печатными книгами греческими, то и весьма легко было нашимъ печатнымъ книгамъ до нѣкоторой степени разрозниться съ печатными книгами греческими. Что одною изъ причинъ разногласія нашихъ дониконовскихъ печатныхъ книгъ съ печатными книгами греческими было **сейчасъ** указанное случайное разрозненіе, это есть положительно извѣстный и несомнѣнный фактъ *). На вопросъ: отъ которой болѣе причины произошло разногласіе — отъ случайнаго разрозненія или отъ своеволія нашихъ переписчиковъ книгъ, которые позволяли себѣ вносить въ книги свои повшества, какъ мы сказали, положительнаго отвѣта не можетъ быть дано; что же касается до отвѣта предположительнаго, то со всею и рѣшительною вѣроятностію должно думать, что главнѣйшею причиною разногласія было

*) См. Описанія синодальныхъ рукописей *Горскаго и Невоструева* отдѣлъ третій, содержащій описаніе богослужебныхъ книгъ, въ которомъ не рѣдко указывается, что читаемое въ древнихъ и старыхъ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, но не читаемое въ новѣйшихъ, находится на греческомъ.

именно случайное разрозненіе и что своеволіе переписчиковъ было этою причиною развѣ только въ самой незначительной степени. Наши книжные писцы весьма не рѣдко, а если имѣли возможность, то и большею частію, были не только писцами, но вмѣстѣ и редакторами книгъ, именно, — что, переписывая книги съ однихъ списковъ, они дополняли и поправляли свои копіи по другимъ спискамъ (если имѣли таковыя подъ руками); но чтобы они отъ себя приносили въ книги новшества въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. нѣчто своего собственнаго сочиненія, это представляется крайне мало вѣроятнымъ и такое своеволіе или своевольное творчество со стороны писцовъ можетъ быть допустимо или не можетъ быть отрицаемо только въ видѣ крайне рѣдкихъ, а по своему свойству — весьма незначительныхъ, исключеній. Такимъ образомъ, относительно разностей въ нашихъ печатныхъ дониконовскихъ книгахъ съ печатными книгами греческими необходимо думать, что въ наибольшей ихъ части и въ наиболѣе важныхъ между ними онѣ представляютъ не наши новшества въ собственномъ смыслѣ, а взятое изъ тѣхъ же книгъ греческихъ, только при этомъ случайнымъ образомъ взятое такъ, что наши печатныя книги разрознились съ печатными книгами греческими (т. е. представляютъ то, взятое изъ рукописей, чего нѣтъ въ печатныхъ книгахъ греческихъ или что не вошло въ послѣднія). Какъ бы то ни было, но дѣйствительныхъ погрѣшностей между разностями мы знаемъ и всего двѣ: это — прибавка въ 8-мъ членѣ символа слова „истиннаго“ (представляющая совмѣщеніе двухъ разныхъ переводовъ греческаго слова *Κεῖνος*) и молитвы „за ся“ священника передъ служеніемъ, причемъ относительно второй погрѣшности весьма не невозможно думать, что она есть погрѣшность уже греческая и перешла въ наши книги изъ греческихъ книгъ, какъ уже готовая*).

*) Молитвы „за ся“ читаются уже въ службеникѣ XII вѣка, усвояемомъ преп. Антонію Римлянину, см. Опис. синод. ркп. *Горск.* и *Невостр.* № 342 сначала. За весьма важную погрѣшность дониконовскихъ печатныхъ службениковъ преосв. Макарій считаетъ то, что по всемъ этимъ службеникамъ въ чинѣ литургіи Василія Великаго не читается словъ: „преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“ (Исторія раскола, стр. 128). На самомъ дѣлѣ это вовсе не погрѣшность (въ смыслѣ у насъ сдѣланнаго опу-

Въ подтвержденіе того, что наши дониконовскія печатныя богослужебныя книги неисправны, ссылаются на преп. Максима Грека и на послѣсловія къ самымъ книгамъ: но и одна и другая ссылки не могутъ быть признаны основательными и представляютъ собою недоразумѣніе. Максимъ пашель въ нашихъ книгахъ нѣсколько (сравнительно съ объемомъ книгъ очень немного) грубыхъ погрѣшностей, которыя отчасти допущены были переводчиками, отчасти, можетъ быть, зависѣли отъ описокъ въ тѣхъ греческихъ рукописяхъ, которыя служили для переводчиковъ оригиналами, отчасти составляли описки писцовъ только нѣкоторыхъ рукописей, и всѣ встрѣченныя имъ погрѣшности исправилъ. Чтò изъ этого слѣдуетъ кромѣ того, что до Максима были въ нашихъ книгахъ нѣкоторыя грубыя погрѣшности, происшедшія такъ или иначе *), и что онъ ихъ исправилъ? Очень можетъ быть, что Максимъ исправилъ не всѣ погрѣшности (ибо, какъ кажется, онъ исправлялъ не всѣ безъ изыятія богослужебныя книги); но чтобы въ печатныхъ дониконовскихъ книгахъ встрѣчались погрѣшности подобныя

шенія). Слово этихъ въ чинѣ литургій Василія Великаго не читается во многихъ древнихъ греческихъ служебникахъ и за ихъ нечтеніе (именно въ литургіи Василія Великаго, но не Златоустаго) горячо стоять и нѣкоторые новыя греческія учебныя, см. въ Италіонѣ примѣчаніе къ 19 правилу лаодикійскаго собора (ср. Описание славянскихъ рукописей синод. библиот. Горск. и Невостр., отд. 3-й, предисл. стр. VII). Если въ служебникѣ іовлевскомъ положено больныхъ младенцевъ крестить въ теплой водѣ чрезъ обливаніе: то принимаемый преосв. Макаріемъ за обливаніе (*ibid.* стр. 126) особый видъ погруженія (по шею безъ головы, которая поливается) не есть наше повншество, а составляетъ обычный у грековъ способъ крещенія дѣтей съ древняго и до настоящаго времени, — о древнемъ и старомъ времени см. аполוגію Григорія Маммы противъ писема Марка Ефесскаго, — въ Патрол. Миня t. 160, p. 137, номоканонъ при требникѣ, по изд. Павлова нрр. 200 и 201, и въ Преніи Арсенія Суханова бесѣду 6-го іюня, ср. нашей II. Р. Ц. 2 полов. I т., стр. 365 fin. (до напр. Филарета была у насъ погрѣшность, составлявшая дѣйствительное наше повншество и состоявшая въ прибавкѣ въ богоявленскомъ чинѣ освашенія воды слова: „и огонь“).

*) А когда Максимъ дѣлаетъ такіе общіе отзывы о нашихъ книгахъ, что будто бы онѣ перенесены были погрѣшностей (при чемъ къ дѣйствительнымъ погрѣшностямъ, находившимся во всѣхъ или многихъ спискахъ какой либо книги и зависѣвшимъ отъ перевода, несправедливо причисляется и случайныя погрѣшности отдѣльныхъ рукописей, надѣланныя безграмотными или небрежными писцами, каковыя писцы часто бывали и у гре-

тѣмъ, которыя исправилъ Максимъ: то ни одной подобной погрѣшности (привносящей еретическія мысли или являющейся совершенною бессмыслицей) никто въ нихъ не указалъ, и слѣдовательно — необходимо думать, что если и оставались послѣ Максима подобныя погрѣшности, то онѣ были исправлены и отстранены справщиками книгъ при печатаніи послѣднихъ *). Въ послѣсловіяхъ къ печатнымъ дониконовскимъ книгамъ читаются жалобы на то, что въ божественныхъ писаніяхъ находится по рукописямъ многое нѣкое и преизлишнее разгласіе, которое усвоится ими переводчикамъ и писцамъ книгъ. Но подъ разгласіемъ послѣсловія разумѣютъ не какія-либо новшества, привнесенныя въ книги у насъ, а разгласіе, которое, бывъ въ богослужбныхъ книгахъ у грековъ, перенесено было и къ намъ и которое у насъ еще болѣе было умножено писцами чрезъ составленіе ими новыхъ редакцій изъ нѣсколькихъ рукописей (о чемъ выше). Хотѣли, на примѣръ, книжные справщики напечатать служебникъ; для приготовленія оригинала, съ котораго печатать, они брали нѣсколько рукописей; но между рукописями (какъ новыми, такъ и древними харацейными) оказывалось разгласіе или разногласіе, которое нужно было объединять: на это-то именно разгласіе и жалуются книжные справщики въ послѣсловіяхъ къ книгамъ.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что наша полемика съ старообрядцами должна быть поставлена иначе, нежели какъ она поставлена до сихъ поръ. Въ чемъ должна состоять иная постановка полемики, это мы указывали выше.

Большая часть нашихъ дониконовскихъ разностей съ греками не составляли нашихъ погрѣшительныхъ новшествъ, таковыми погрѣшительными новшествами были только не-

ковъ): то несомнѣнно, что въ интересахъ самозащиты онъ впадаетъ въ сильное преувеличеніе (до насъ сохранилось достаточное количество рукописей и мы имѣемъ полную возможность видѣть, насколько справедливы его слова; безпристрастіе и сравненіе съ нашимъ собственнымъ временемъ требуютъ отзываться о переводахъ не съ порицаніемъ, а съ особенной похвалою).

*) А что справщики книгъ, каковыя они были со времени патр. Филарета, въ состояніи были исправить всѣ подобныя погрѣшности (за тѣмъ возможнымъ исключеніемъ, что чтòнибудь какъ-то ускользнуло отъ вниманія всѣхъ), это не можетъ подлежать сомнѣнію.

многія изъ разностей. Но тѣмъ не менѣе необходимо было не только частное устраненіе немногихъ дѣйствительныхъ погрѣшностей, а и то общее соглашеніе насъ съ греками въ обрядахъ и книгахъ или то исправленіе обрядовъ и книгъ, которое совершилъ Никонъ. Разности, не представлявшія изъ себя повшества, хотя бы и непогрѣшительныхъ, а бывшія только простыми разностями, происшедшими въ слѣдствіе случайнаго разрозненія нашего съ греками, и разности, представлявшія изъ себя повшества, которыя не могутъ быть названы погрѣшительными, явились не вслѣдствіе какой-либо причины уважительной или даже только извинительной, а по самой неблагословной нашей винѣ, въ слѣдствіе прискорбнѣйшаго съ нашей стороны недоразумѣнія *), а поэтому и ихъ устраненіе, хотя при ихъ существованіи церковь наша нисколько и не утрачивала чистоты православія, было столько же для насъ обязательно, сколько несправедливо и несообразно было то, что предки наши заподозрили позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ.

Мы всегда признавали для себя обязательнымъ находиться въ полномъ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія. Не смотря на это признаніе мы разрознились съ позднѣйшими греками относительно обрядовъ и богослуженія вслѣдствіе того, что заподозрили этихъ позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ **). Но заподозрѣніе было совершенно несправедливо и неосновательно. Слѣдовательно, послѣ того, какъ была признана нами несправедливость и неосновательность запо-

*) Вслѣдствіе того же нашего невѣжества, которымъ объясняетъ дѣло и теперешняя наша полемика, только чрезъ иное его проявленіе, нежели какое видитъ послѣдняя.

**) Подразумѣвается при этомъ посредствующая мысль, что, заподозривъ позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ, мы уединились и устранились отъ нихъ въ отношеніи къ обрядамъ и богослуженію и, такъ сказать, начали относительно послѣднихъ жить сами о себѣ, самостоятельно устанавливая для себя формы или виды обычаявъ и при введеніи у насъ книгопечатанія самостоятельно приводя бывшее дотодѣ разнообразіе богослужебныхъ книгъ къ единообразію (и такимъ образомъ ввели у себя иное единообразіе, нежели какое установилось или было принято у грековъ).

дозрѣнія, къ каковому сознанию пришелъ Никонъ, необходимо должно было быть восстановлено между нами и позднѣйшими греками согласіе относительно обрядовъ и богослуженія. Эти краткія положенія болѣе подробнымъ образомъ изложены нами выше и мы считаемъ за излишнее повторять ихъ.

Того положенія, что мы должны быть въ полномъ согласіи съ греками относительно обрядовъ и богослуженія, поколику послѣдніе суть православны, нисколько не оспариваютъ старообрядцы. Папротивъ, самый расколъ старообрядства возникъ именно какъ защита нашего положенія. Основатели раскола возстали противъ Никонова исправленія именно какъ поборники нашего согласія въ обрядахъ и богослуженіи съ греками, поколику послѣдніе суть православны, такъ какъ на позднѣйшихъ грековъ, привести насъ въ согласіе съ которыми предпринялъ Никонъ, они смотрѣли какъ на отступившихъ отъ чистоты православія. Слѣдовательно, въ нашей полемикѣ съ старообрядцами требуется быть доказаннымъ собственно одно положеніе, именно — что позднѣйшіе греки вовсе не отступали отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Какъ скоро будетъ доказано это, то будетъ доказано и все, ибо если позднѣйшіе греки не отступали отъ чистоты православія древнихъ грековъ, то изъ сего необходимо будетъ слѣдовать, что мы должны быть въ согласіи съ этими позднѣйшими греками относительно обрядовъ и богослуженія *).

Но при сейчасъ сказанномъ подразумѣвается еще нѣчто, составляющее *conditionem, sine qua non*. Старообрядцы смотрятъ на дѣло неправильными глазами, придавая обрядамъ и обычаямъ церковнымъ, равно какъ и богослужбнымъ чинопослѣдованіямъ, то преувеличенное значеніе, о которомъ говорили мы выше. Какъ всякій споръ между кѣмъ-нибудь возможенъ только въ томъ случаѣ, если спорящіе стоятъ на одной и той же точкѣ зрѣнія на предметъ: такъ и полемика съ старообрядцами необходимо предпола-

*) Статья о неповрежденности православія позднѣйшихъ грековъ, т. е. посвященная доказанію этой неповрежденности, будетъ напечатана нами въ числѣ послѣдующихъ статей.

гаеть это же самое, т. е. чтобы послѣдніе заставлены (разумѣемъ — убѣждены) были признать настоящій или правильный взглядъ на обряды и обычаи церковные съ чино-послѣдованіями богослуженія *).

Е. Голубинскій.

*) Въ числѣ послѣдующихъ статей будетъ напечатана нами и статья о значеніи обрядовъ и обычаевъ церковныхъ.